

193. 2 апреля 1937 г.

Париж, авеню де Версаль, 130 —

Берлин, Оснабрюкерштрассе, 21

Душенька моя, странно тебе писать на этот новый — и зрительно не существующий — адрес. Как хорошо, что мальчонка в порядке. Следующий раз пошлю ему еще паровозик. Получить немедленно карту невозможно, дело идет своим законным ходом, подогнать нельзя, дай Бог получить до лондонской поездки, а то опять придется переть к Эделю за обратной визой. Скучно и сложно. Я начинаю по-настоящему томиться, расслабляющая прелесть Парижа, дивные закаты (на Триумфальной арке вдруг оживает частица фризы — это голубь перелетел), прелесть и праздность, очертанья времени зыбки, не пишется, безумно хочется одиночества с тобой и чтобы в соседней комнате Влад. Михайлович *не* теребил мычащее, лопающееся, мяукающее радио. I am quite fed up with things. На днях приятенькая была вечеринка, нечего сказать: тра-ла-ла, Алданов во фраке, Бунин в мерзейшем смокинге, Хмара с гитарой и Кедровой, Ильюша в таких узких штанах, что ноги, как две черных колбасы, милая, старая Теффи — и все это в гнусно-роскошном особняке («у них белая мебель» — предупредила с восторгом Татьяна Марковна), причем я не потрудился вникнуть в имя хозяев и, только уже попав туда, узнаю морду Mme Гринберг и ее сына; первое, что я сказал: «А где моя Oxford Book of Poetry?» После обеда все — особенно дамы — подвыпили, Вера Николаевна *me faisait des confidences hideuses* и, слушая довольно хамские романсы пьяного вдрызг Хмары, повторяла: ведь жизнь прожита! а Кедрова (очень глазастая актрисочка, которую Алданов считает новой Комисаржевской) бесстыдно клянчила у меня роль. Ну, конечно, — пение пошлейшее «Чарочки», одинокая ваза с шоколадом, крик хозяйки (про меня): «Ой, он съедает весь шоколад», вид из сплошного окна на остов растущей выставки, на луну. *C'était à vomir*. Бунин все изображал мою «надменность» и потом прошипел: «Вы умрете один и в страшных мученьях». Некая мадам Перская, толстая вульгарная баба, лежала на плече у бедного Ильи, который отчаянно поглядывал на меня и просил принес-

ти ей воды, а ему объясняли, что это не обморок, а забытье наслажденья. И это все — потому, что нужны деньги для театра. Infecte.

Объявлен выход «Сов. зап.» с «Даром» во главе. Лифарь, кажется, обиделся на меня, что я не согласился задарма читать у него на выставке лекцию, а спросил тысчонку. Зато с большим удовольствием я сделал следующее — чудная месть! Был вечер в «Лас Казе», вечер поэзии, в тайную пользу очень больного Терапиано (однажды, если помнишь, подлейшим образом задевшего меня в «Числах»), и я сам вызвался прочесть там стихи (прочел «Inconnue de la S.»).

Был в кинематографе, был у тети Нины с массой дам, у Зайцевых, у Кокошкиных (часто), у Кянджунцевых и т. д. Лило-венькое солнце продолжает мне помогать: я совершенно ожил в этом отношении. Любовь моя, я теперь даже не могу представить себе, что ты сейчас делаешь, ибо не знаю новой обстановки... My darling, my darling... Поскорее поезжай в Чехию — and whatever you do, покажись с маленьким маме прежде всего. Сейчас около десяти вечера, выйду опустить письмо, потом лягу. Никто не понимает, как это я так загорел, и подозревают поездку clandestine на юг.

На этих днях должны быть непременно ответы из французских журналов. Мне страшно думать, как ты, должно быть, устала от всех хлопот, бедненькая моя, счастье мое!

В.